

О КУЛЬТУРНОМ СТАТУСЕ ЕЛШАНСКИХ КОМПЛЕКСОВ

Понятие “елшанские комплексы” применяется к материалам группы архайчных памятников — I и II Старо-Елшанской, Максимовской, IV Чекалинской, II Нижнеорлянской, Ивановской и других стоянок, изучение которых ведется на территории лесостепного Заволжья и Приуралья с конца 70-х годов до настоящего времени. Все исследователи, изучавшие эти источники, сходятся на их принадлежности к эпохе раннего неолита на основании того, что, помимо кремневого инвентаря, коллекции стоянок содержат также и керамику, которая, согласно ряду данных, является древнейшей в регионе, а, по мнению некоторых авторов, и в Европе [1, с.100]. По поводу ранненеолитического возраста упомянутых древностей у авторов разногласий нет, в вопросе же их культурной интерпретации подобного единодушия не наблюдается.

Н.Л.Моргунова определила место “материалов елшанского типа” в рамках первого этапа выделенной ею волго-уральской культуры, включающей на стадии позднейших этапов накольчатые и гребенчатые керамические комплексы [2, с.53]. И.Б.Васильев и А.А.Выборнов склоняются к культурному обособлению елшанских материалов от накольчато-гребенчатых, полагая, что “...утверждать наличие особой елшанской культуры пока преждевременно, однако особые технико-типологические признаки этой керамики, а также повторяемость комплексов на различных памятниках определенной территории позволяют уже сейчас отчленять их от накольчатых и гребенчатых и выделять особую культурную группу (потенциально — культуру)” [3, с.34-35]. Видимо, по причине этой преждевременности совокупность рассматриваемых материалов упомянутые авторы на страницах большинства своих работ предпочитают обозначать преимущественно термином “елшанский тип” или “елшанский комплекс”.

Поскольку методы классификации, отбор и оценка веса признаков, принципы группировки во многом субъективны, а сами конструкции, получаемые в результате классификаций на эмпирическом уровне в большой мере искусственны и могут рассматриваться лишь как рабочий инструмент, то эти разночтения можно было бы списать на результат различных подходов к группировке материалов. Но дело в том, что и те, и другие авторы при своих построениях пользуются одними и теми же источниками, описывают одни и те же признаки, выделяют примерно одни и те же типы. На уровне же интерпретации возникает противоречие. Думается, что оно носит сущностный характер, поскольку, как справедливо заметил Е.М.Колпаков, “...перед археологом стоит задача не просто разделить артефакты по

сходству, не просто сформировать археологические культуры, но сделать это так, чтобы в результате получить информацию о прошлом. Археологические культуры, которые не способствуют получению такой информации, которые не связаны с какими-либо историческими общностями прошлого, археологам не нужны” [4, с.47].

Как и у многих других авторов, в работах И.Б.Васильева и А.А.Выборнова археологическая культура несет в себе в первую очередь этнический смысл. А.А.Выборнов обозначил это достаточно четко, вслед за А.Я.Брюсовым написав об “этническом наполнении” археологических культур [5, с.19]. Н.Л.Моргунова отдельно не оговаривает, какие древние реалии стоят за ее археологической культурой. В качестве признаков, которые, на ее взгляд, позволяют рассматривать неолитические материалы бассейнов рек Самары и Сока в рамках одной культуры, помимо единства территории, значатся единая для разных хронологических групп форма днищ и венчиков сосудов, орнаментация срезов венчиков, ямочно-жемчужные пояски, примесь раковины в глиняном тесте [2, с.50]. Правомерность выбора этих признаков в качестве определяющих культуру — это отдельный вопрос. Здесь для нас важно, что Н.Л.Моргунова ведет речь о некоторых традиционных приемах гончарства, отражающих, по мнению автора, генетическую преемственность и единство населения региона. Это единство, основанное на традиции и общности происхождения, не может не вмещать в себя этнического смысла.

Таким образом, предлагаемая И.Б.Васильевым и А.А.Выборновым культурная трактовка “материалов елшанского типа” и интерпретация этих же источников в изложении Н.Л.Моргуновой находятся в противоречии, которое сводится к разнице в оценке хронологических рамок существования этноса — носителя елшанской традиции. По остальным же аспектам рассматриваемой проблемы у авторов, исключая некоторые нюансы, разногласий нет. В происхождении культуры, по их мнению, решающая роль принадлежит восточно-каспийским (Джебел) и приаральским (Дарьясай, Лявлякан) племенам — обитателям пустынных областей Туркменистана и Узбекистана, которые внедрили в местную среду идею керамического производства [3, с.24]. Н.Л.Моргунова, помимо того, на основании бесспорного, по ее мнению, сходства керамики, отмечает также влияние на процесс сложения волго-уральской культуры традиций населения Нижнего Дона (Ракушечный Яр) [2, с.30-31]. Как проявление стадийного сходства авторы отмечают некоторую близость елшанской посуды и керамики ранних этапов днепро-донецкой и сурско-днепровской культур [2, с.31-32; 3, с.52].

В качестве аргумента в пользу участия юго-восточного населения в описанном процессе приводятся характеристики кремневого инвентаря, по мнению авторов, сопутствующего елшанской керамике. Отмечается в целом пластинчатый облик индустрии, в качестве характерных орудий перечисляются концевые скребки, резцы, пластины с выемками, острия с плечиками, скошенные острия [6, с. 117, 119]. Особое внимание уделяется геометрическим микролитам, находки которых были сделаны на некоторых памятниках бассейна реки Самары. Большинство из них представляют собой трапеции, часть — сегменты. Особо подчеркивается наличие “рогатых” трапеций как типично дарьсайских изделий [2, с. 26-27].

Не наблюдается особых разногласий и в вопросе дальнейшей судьбы “материалов елшанского типа”. Доминирует точка зрения, согласно которой они существенно повлияли на процесс сложения в регионе накольчато-гребенчатой традиции. Разница заключается в том, что, по версии И.Б.Васильева и А.А.Выборнова, это влияние выразилось через участие в сложении новой — средневожской, культуры в рамках диффузного процесса слияния трех основных компонентов — юго-восточного елшанского, североприкаспийского накольчатого и гребенчатого (не тождественного камскому) местного [3, с. 35-36]. Н.Л.Моргунова считает, что накольчатый этап в целом предшествует гребенчатому [2, с. 53], а значит, “материалы елшанского типа” непосредственно повлияли лишь на процесс сложения накольчатой традиции. Гребенчатая же керамика унаследовала некоторые неизменные черты на следующем этапе в процессе сохранения культурной традиции в рамках развития единой археологической культуры.

Единство позиций наблюдается и в хронологических выкладках, и в оценке территориального охвата “материалов елшанского типа”, что объективно диктуется набором анализируемых памятников. Ареал “елшанских комплексов” распространяется в пределах современной лесостепи между реками Волга и Урал, захватывая также часть Волжского правобережья в пределах Ульяновской области (Луговое III, Лебяжье I). Хронологическая позиция в абсолютном выражении обозначается как VI тыс. до н.э., хотя Н.Л.Моргунова в свете последних данных по радиоуглеродному датированию склонна относить первый этап волго-уральской культуры к концу VII — первой половине VI тыс. до н.э. [2, с. 58-59].

Приведенный обзор дает некоторое представление о состоянии проблемы, об используемых подходах и позициях исследователей. Попробуем разобраться, насколько плодотворны предложенные модели, а также попытаемся, по мере возможности, разрешить обозначенные противоречия. При этом нам, видимо, не обойтись без существенных корректировок предложенных описаний и

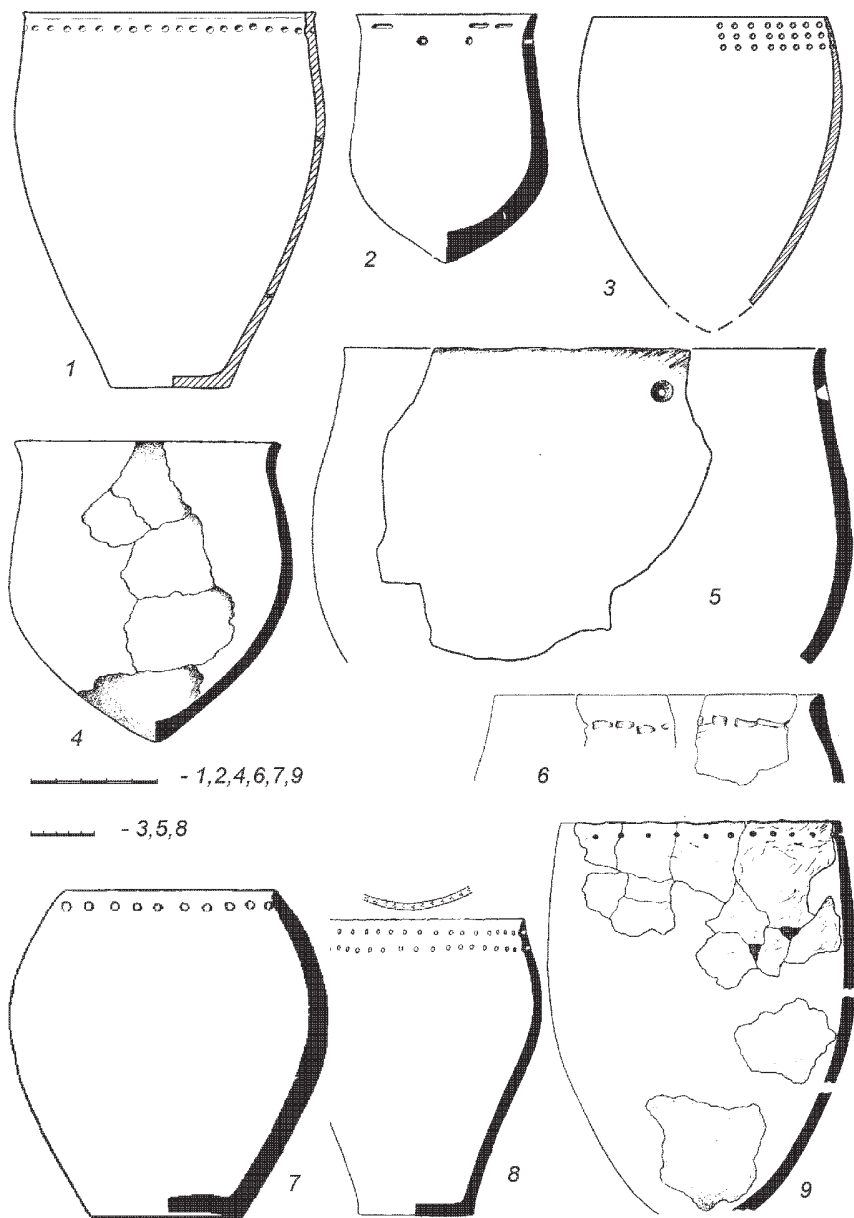

Рис. 1. 1 - Большая Раковка II; 2 - Старая Елшанка; 3, 7 - Ильинка; 4 - Ивановка; 5-6 - Чекалино IV; 8 - Красный Городок.

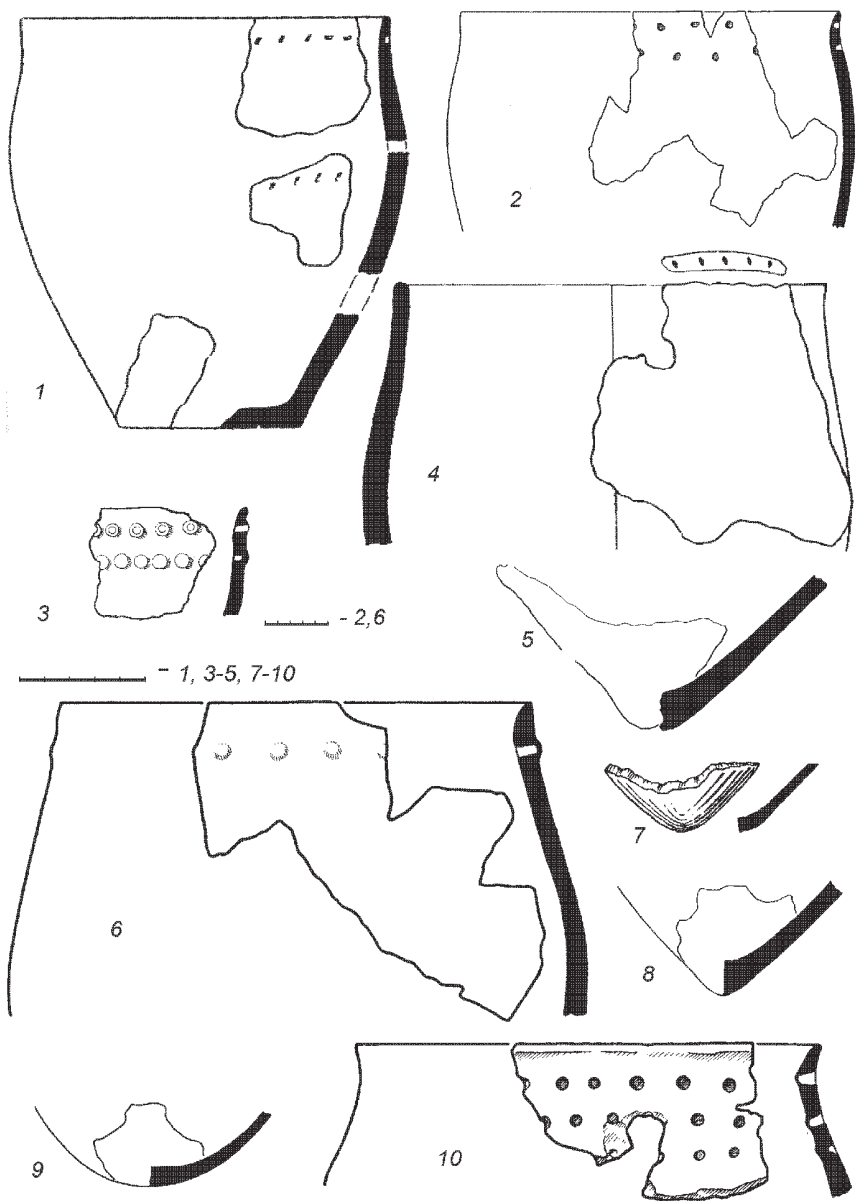

Рис.2. 1- Луговое III; 2, 5-6, 10- Нижняя Орлянка II; 3- Большая Раковка II; 4- Ивановка; 7- Красный Городок; 8-9- Чекалино IV.

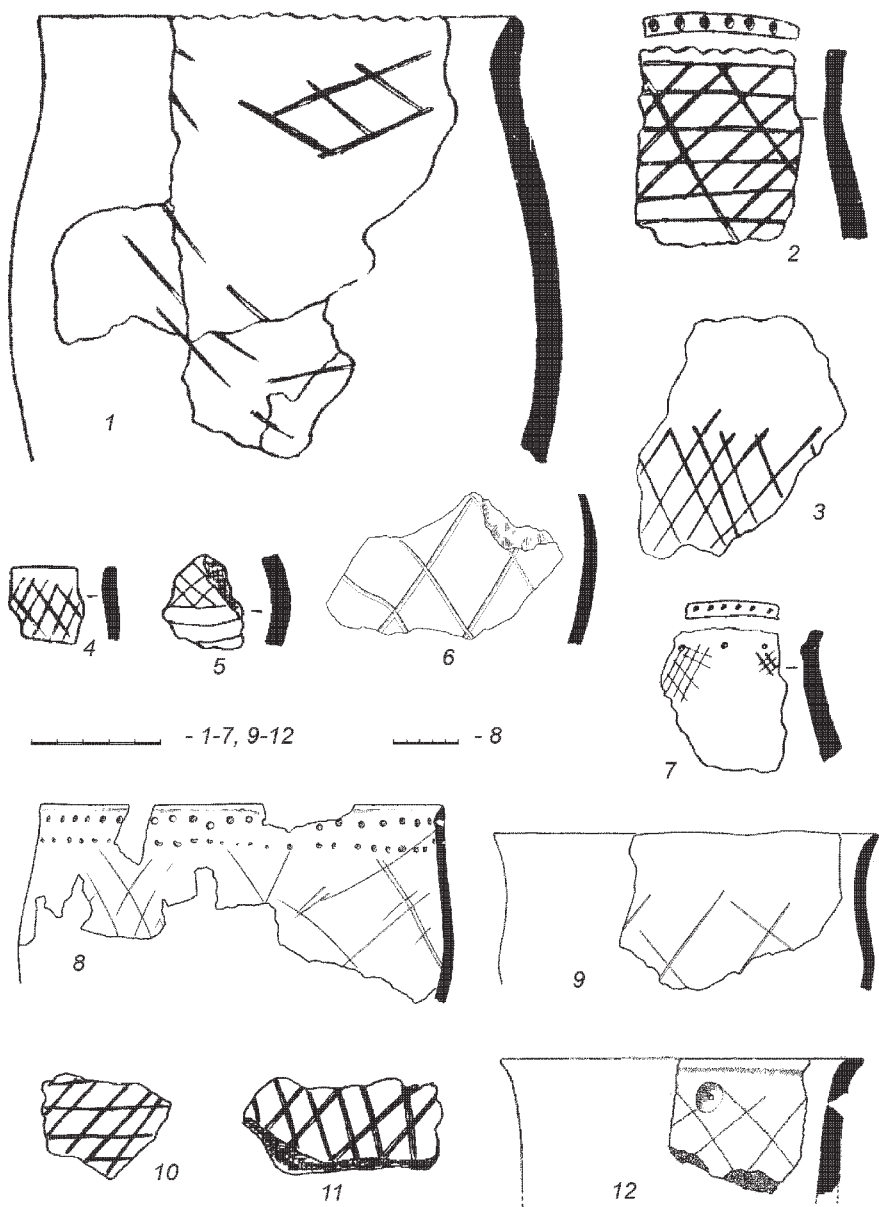

Рис.3. 1-3, 5, 7, 10-11 - Ивановка; 4 - Старая Елшанка II; 6, 8-9 - Нижняя Орлянка II; 12- Большая Раковка II.

Рис.4. 1, 9- Нижняя Орлянка II; 2- Максимовка II; 3, 6- Большая Раковка II; 4- Чекалино IV; 5- Захар-Калма; 7- Виловатое; 8- Максимовка I.

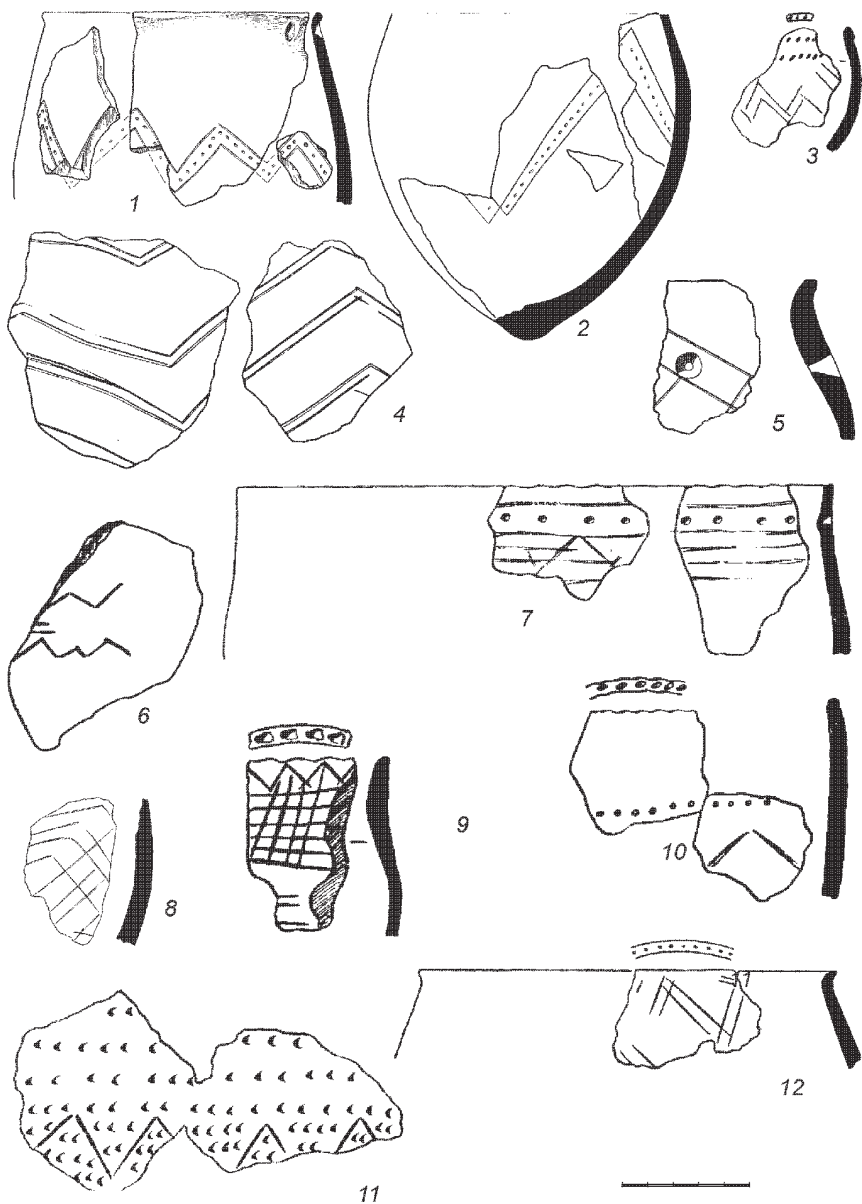

Рис.5. 1, 4 - Чекалино IV; 2, 8 - Нижняя Орлянка II, 3, 6, 9 - Ивановка; 4- Чекалино IV; 5- Большая Раковка II; 7, 11- Вилватое; 10- Старая Елшанка II; 12- Красный Городок.

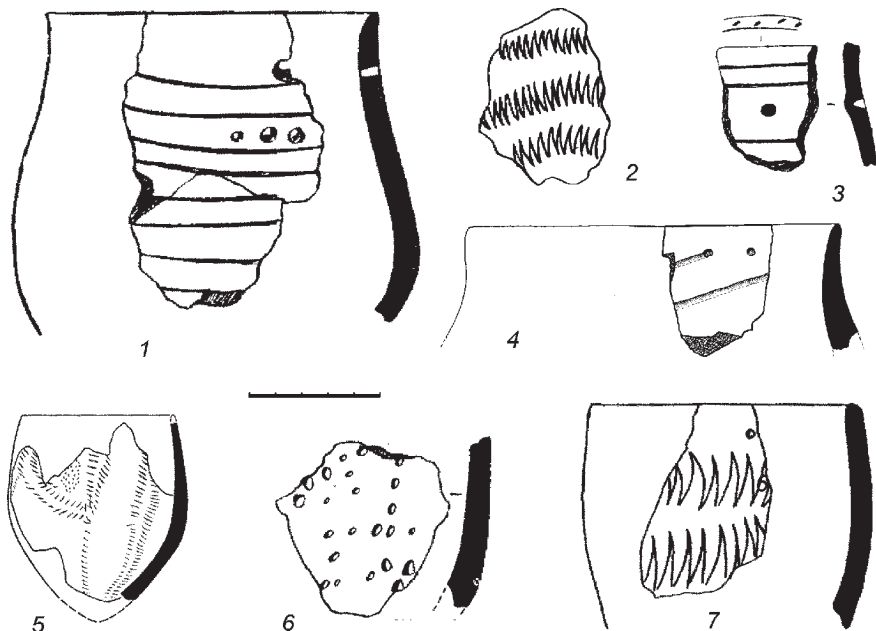

Рис.6. 1-2, 7 - Ивановка; 3 - Максимовка II; 4, 6 - Большая Раковка II; 5 - Чекалино IV.

трактовок, что вполне естественно, учитывая постоянно пополняющийся круг источников.

Действуя в русле операционального подхода [4, с.46], исследователи формулировали культуру через устойчивое сочетание типов в комплексах. Поскольку источники объективно содержат ограниченную номенклатуру артефактов, анализируются, в основном, кремневые изделия и керамика. Представляется, что уже на этом уровне необходима серьезная корректировка *внутренних*, по терминологии Ж.-К.Гардена [7, с.118-122], признаков.

Проведенные И.Н.Васильевой исследования технологических особенностей елшанской керамики показали, что в качестве пластического материала для ее изготовления использовалось сильно запесоченное глиноподобное сырье, которое она склонна относить к разряду илистых или сапропелевых отложений. В просмотренных ею коллекциях искусственная примесь дробленой раковины зафиксирована не была. Незначительные включения очень мелких — до 1 мм, фрагментов раковины, наряду с отпечатками рыбьих ребер и чешуи, специфической органики растительного происхожде-

ния относятся исследователем к числу естественных примесей в сырье, связанном с водоемами. Способ конструирования характеризуется И.Н.Васильевой как лоскутный налест на форме-модели с использованием прокладок из шкур животных. Об использовании таких прокладок говорят статические отпечатки волос на поверхностях, которые раньше принимались за отпечатки растительности. Внешние поверхности, как правило, хорошо заглажены и отполированы галькой или костью, внутренние — напротив, шероховаты и несут на себе следы заглаживания инструментом типа деревянного ножа [8, с.62-63; 9, с.21].

Формы елшанских сосудов достаточно хорошо описаны на страницах многих публикаций¹. Здесь напомним лишь, что елшанская посуда, в основном, сравнительно небольших размеров, тонкостенная, верхние части сосудов имеют либо прямую, либо плавную S-видную профилировку, формы дниц трех разновидностей — плоские, округлые и острые. На II Старо-Елшанской, Ивановской и II Нижнеорлянской стоянках было обнаружено по одному сосуду, имеющему острое донце, завершающееся своеобразным “шипом”. Представляется необходимым заострить внимание на попытке типологически обособить плоскодонную посуду. Предпринятая И.Б.Васильевым и А.А.Выборновым [10, с.80-81], она была подержана П.П.Барынкиным и Е.В.Козиным [11, с.100].

При анализе керамики совершенно справедливо особая роль отводится орнаментации. На мой взгляд, при описании орнаментации елшанской керамики необходимо, особенно при учете последних данных, ликвидировать ряд неточностей. Прежде всего, нужно пересмотреть сформировавшееся представление об этой керамике как о почти не орнаментированной, или, как ее неоднократно обозначали, “слабоорнаментированной”. Во-первых, сам термин не отличается научной строгостью, поскольку остается непонятным, по каким критериям оценивается степень “орнаментированности”, во вторых, елшанская керамика обладает устойчивой системой орнаментации.

По технике нанесения различается три разновидности орнамента: прочерченные линии, разреженные наколы и ямочные вдавления правильной округлой или неправильной формы и с негативом- “жемчужиной” или без него. В единичных случаях фиксируется гладкая качалка, либо короткие насечки. Анализ показывает, что с применением тех или иных приемов орнаментировано, как правило, порядка 50-80% сосудов. Так, из 37 сосудов стоянки Нижняя Орлянка II, полно-

¹ Наиболее полный список публикаций, посвященных материалам раннего неолита лесостепного Волго-Уралья см. в книге Н.Л.Моргуновой “Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья”. Оренбург, 1995

стью лишены орнамента лишь шесть сосудов [8, с.63], из 25 сосудов стоянки Чекалино IV не орнаментированы 10 [9, с.22], из девяти сосудов Красного Горodka не несут орнамента два [12, рис.4]. Справедливости ради нужно отметить, что значительная часть сосудов украшена лишь ямочно-жемчужным пояском, но это не лишает данный элемент декора статуса орнамента.

Наиболее часто встречающимся орнаментальным мотивом является горизонтальный ряд ямок с выпуклыми негативами на внутренней или, в зависимости от того, где нанесены ямки, внешней стороне сосуда. Этот ряд приурочен к верхней части сосуда; иногда таких рядов несколько, но больше трех не зафиксировано (рис.1-2). Нередко ямочно-жемчужный поясок представляет собой ряд сквозных отверстий при наличии “жемчужины”-негатива. Ряды ямок зачастую встречаются в композиции с другими мотивами. Большой интерес представляет сосуд со стоянки Нижняя Орлянка II, имеющий под венчиком сквозные отверстия, между которыми с внешней и внутренней стороны видны отпечатки тонкого и плоского ремешка (рис.1, б).

Другой распространенный мотив — ромбическая сетка, выполненная прочерченными линиями (рис.3). Довольно часто встречается мотив “висячих” треугольников, нанесенных ямками (рис.4; 1, 8), прочерченными линиями (рис.4; 4, 9-10), либо разреженными наколами (рис.4; 2), чаще в сочетании с прочерченными линиями (рис.4; 3, 5, 6-7). Известны сосуды, на которых орнамент выглядит в виде зигзага из прочерченных линий, иногда в сочетании с разреженными наколами (рис.5). В ряде случаев разреженные наколы представляют самостоятельный орнаментальный мотив. Единичные сосуды украшены гладкой качалкой (рис.6; 2, 7), либо короткими насечками, выстроенными в оригинальные композиции (рис.6; 5). Значительное число елшанских сосудов имеет орнаментированные насечками, либо разреженными наколами срезы венчиков. Важно отметить, что основные из перечисленных орнаментальных признаков примерно в одних и тех же соотношениях присутствуют в большинстве коллекций елшанской керамики. Это свидетельствует об их устойчивой взаимосвязи и о наличии вполне определенной орнаментальной традиции.

Неотъемлемым условием операционального подхода к выделению археологических культур является рассмотрение типов в рамках *комплексов*, понимаемых как “...сочетание артефактов и других объектов, пространственно отграниченное от других таких же сочетаний, в основе которого лежит отдельное событие или процесс” [4, с.44]. Далеко не все культурные слои елшанских памятников являются комплексами, если иметь в виду пространственное отграничение артефактов времени раннего неолита от артефактов других перио-

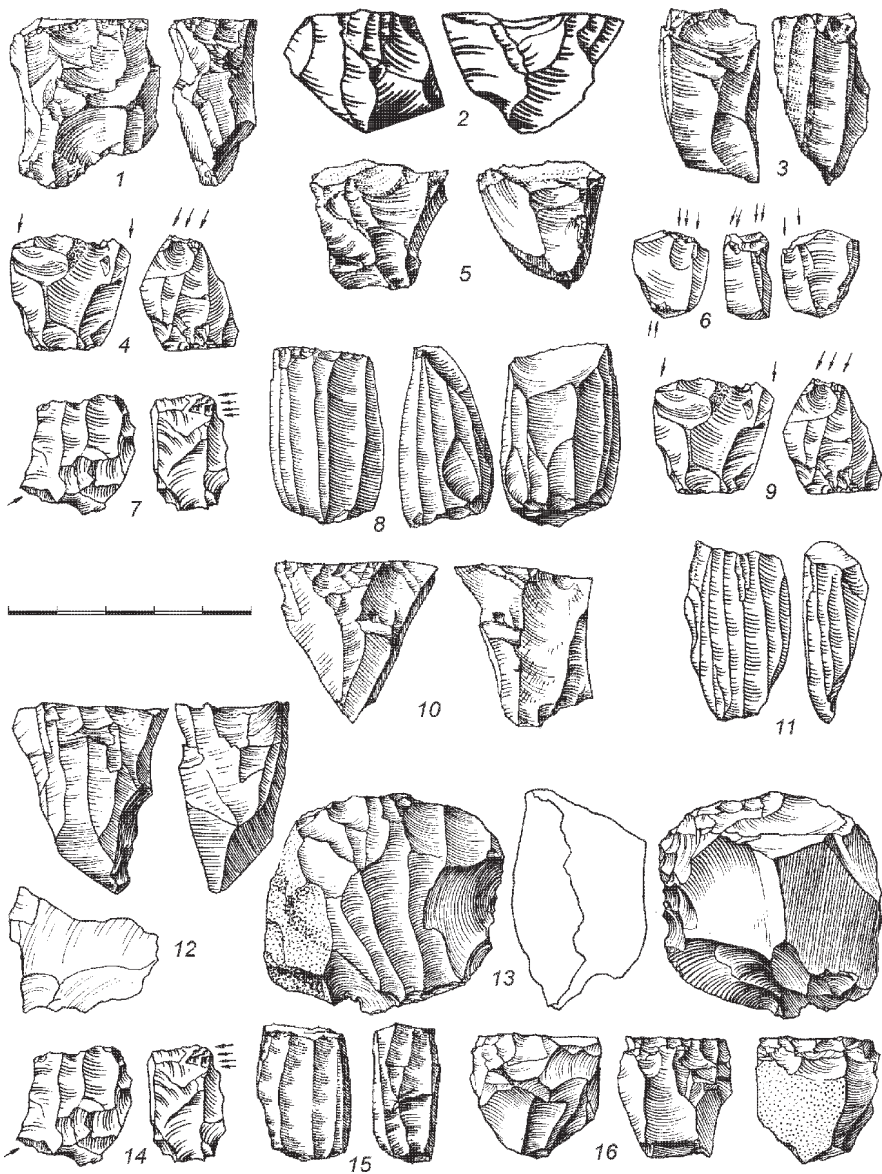

Рис.7. 1, 3, 11, 16 - Нижняя Орлянка II; 2 - Ильинка; 4, 6-7, 9, 12, 15 - Красный Городок; 8, 14, 17 - Чекалино IV.

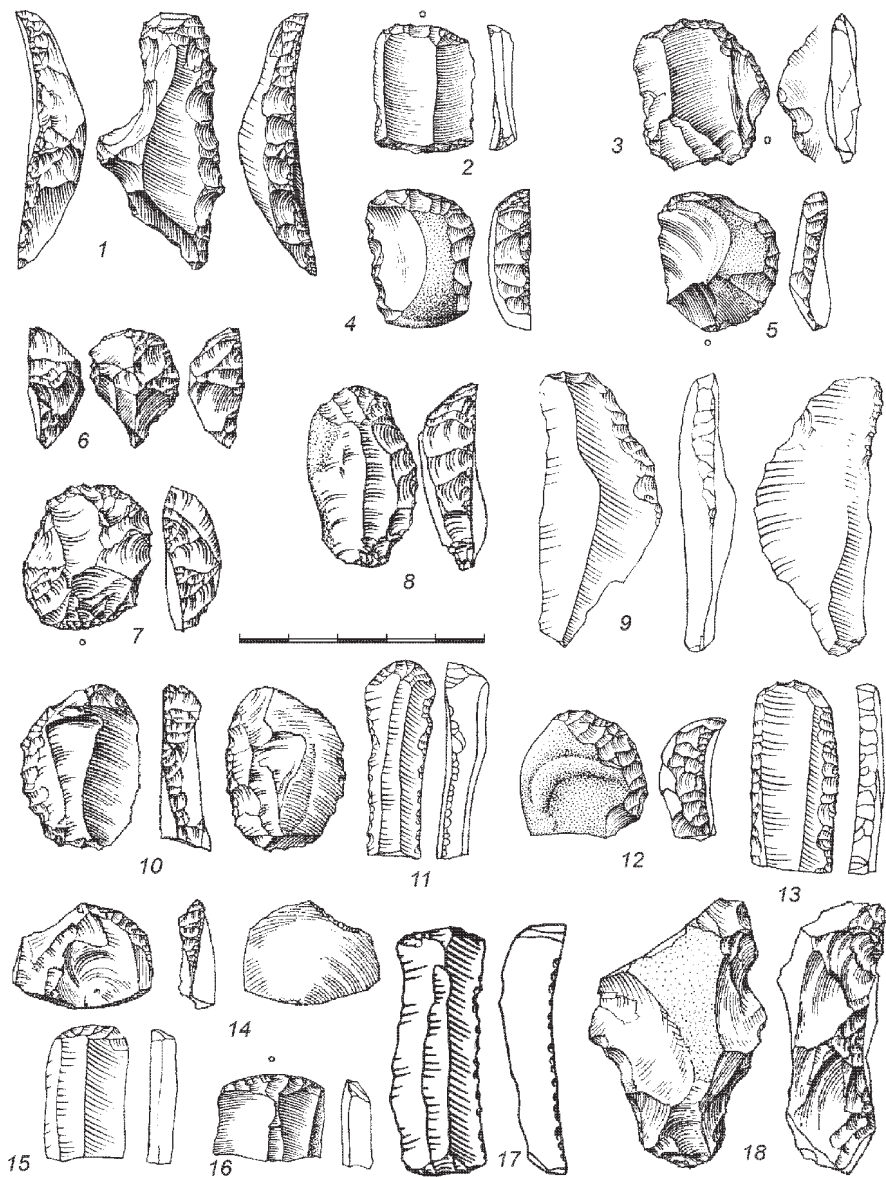

Рис.8. 1-5, 12, 16 – Чекалино IV; 6-8, 10, 14 - Нижняя Орлянка II; 9, 11, 13, 15 - Красный Городок; 17- Ильинка.

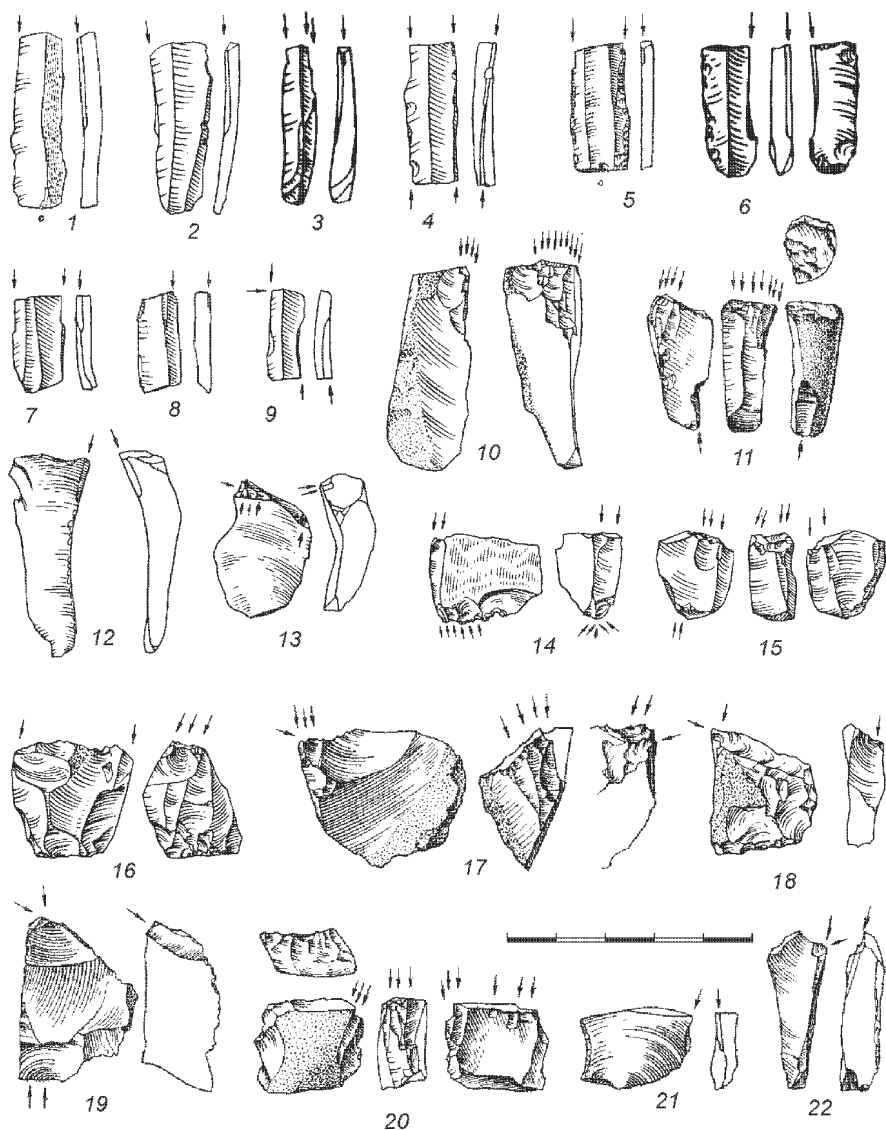

Рис.9. 1, 5, 8, 11, 17, 17, 19-22- Нижняя Орлянка II; 2- Ильинка; 4, 6, 7, 9, 12, 15 - Красный Горюк; 8, 14, 17- Чекалино IV.

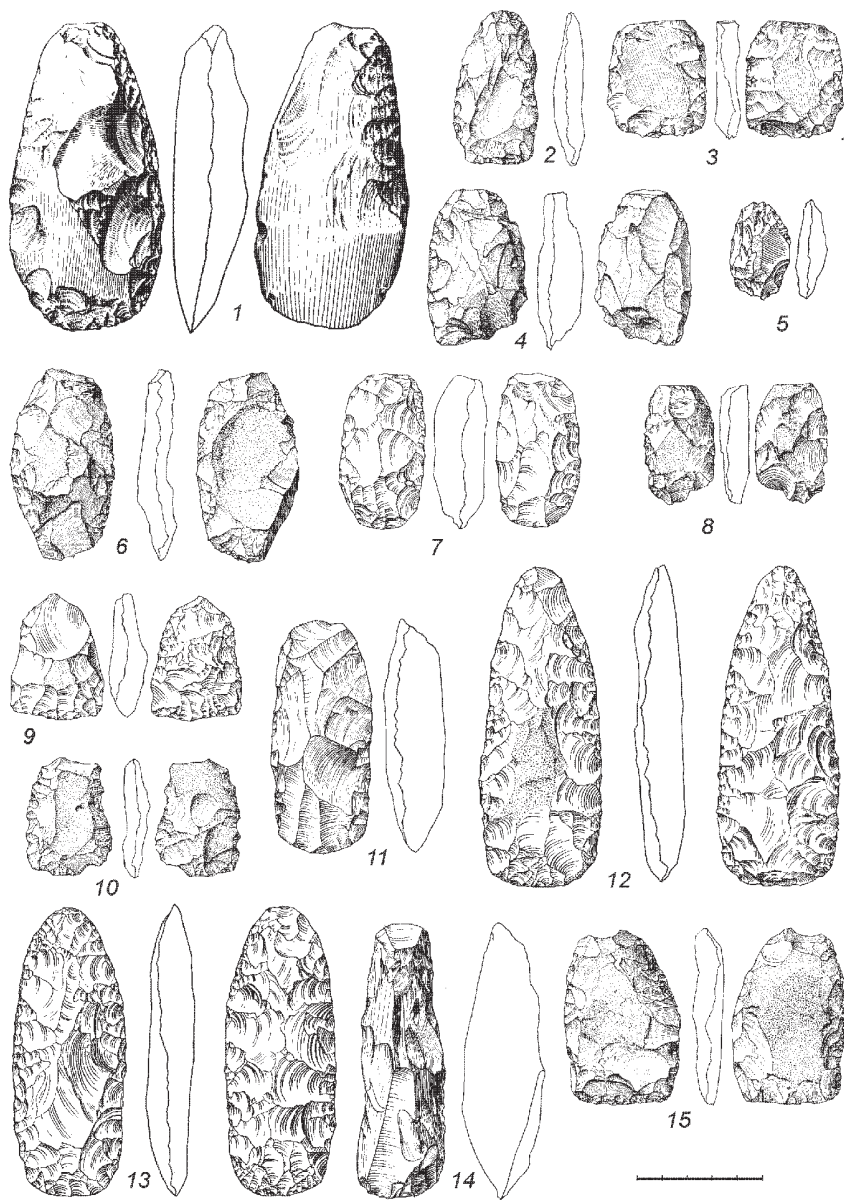

Рис.10. 1 – Ильинка; 2, 4, 6, 10, 15 – Чекалино IV; 5, 7, 9 – Красный Городок; 11, 14 – Большая Раковка II.

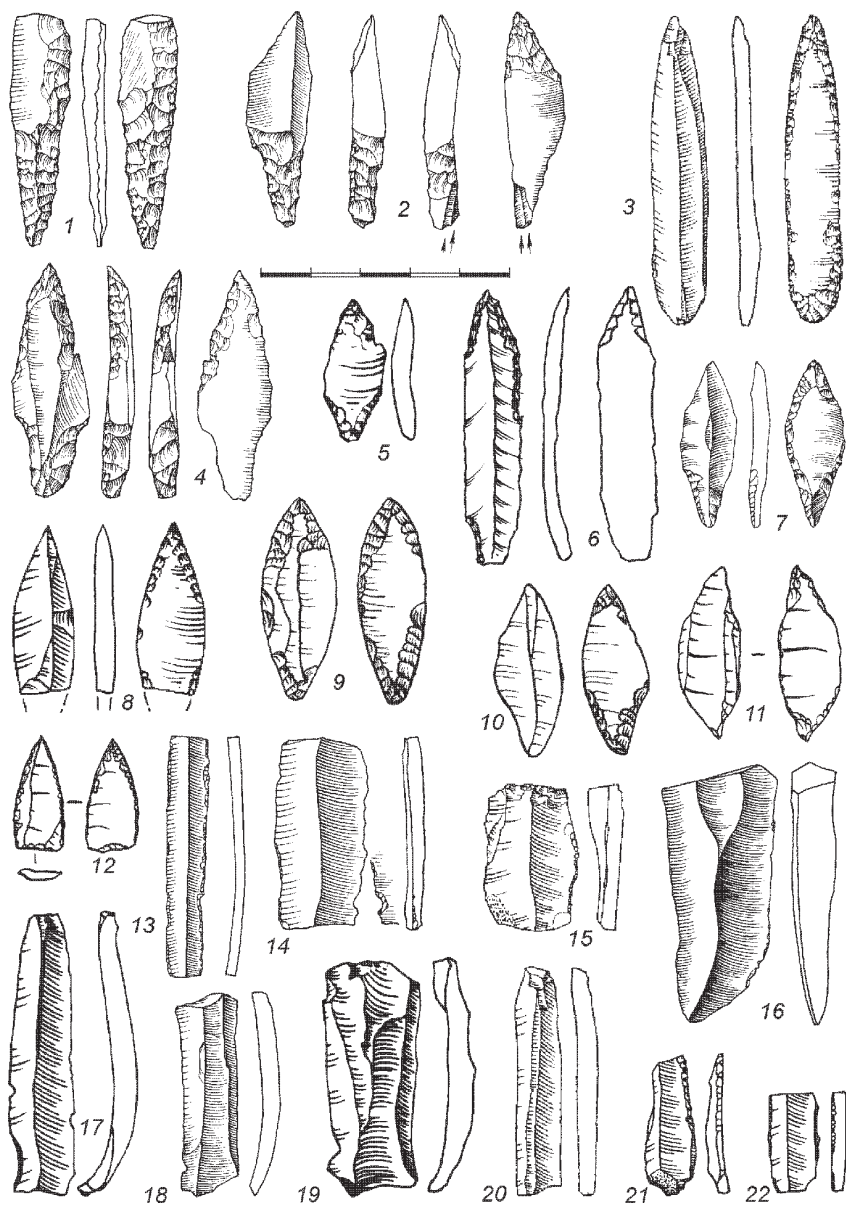

Рис.11. 1-2, 4, 7, 14 16, 18 - Чекалино IV; 3, 15, 20 - Нижняя Орлянка II; 5, 17, 19 - Ильинка, 6, 11- 12 - Вилватое; 8 - Луговое III; 9-10 - Лебяжье I; 22 - Красный Городок.

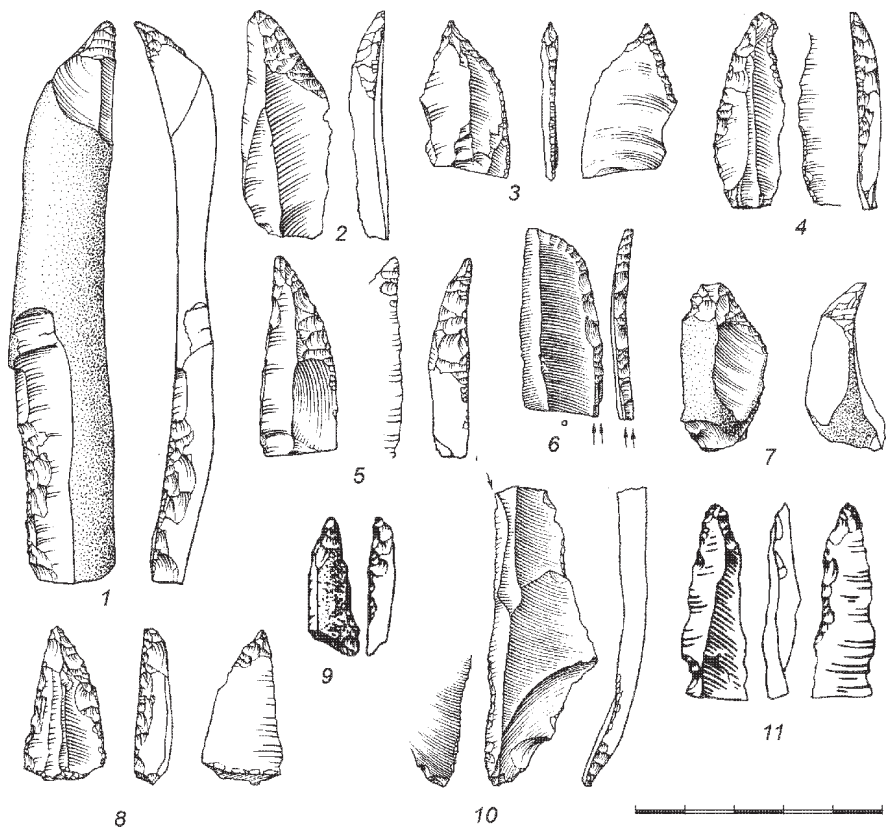

Рис.12. 1-7, 8, 10 – Чекалино IV; 9, 11 – Ильинка.

дов. Все, без исключения, памятники с елшанской керамикой содержат также и другие материалы, занимающие совершенно иную культурно-хронологическую позицию. Так, например, на Ивановской стоянке елшанская керамика залегала совместно с накольчатой и гребенчатой [6, табл.3], аналогичная ситуация наблюдалась и на других стоянках бассейна реки Самары. Применительно к этим памятникам можно говорить лишь о том, что типологически вычлняемые елшанские сосуды, хотя и совместно с керамикой иного облика, находились в самых нижних слоях этих поселений. Случаев бесспорной вертикальной стратиграфии всего три: Чекалино IV [9, с.4], Красный Городок [12, с.26] и Ильинская стояка [13, с.91]. На стоянке Нижняя Орлянка II елшанский комплекс удалось вычлнить благодаря планиграфической обособленности неолитичес-

ких находок и их резкого отличия от артефактов основного комплекса памятника — эпохи поздней бронзы [8, с.55].

Описанные обстоятельства необходимо учитывать при оценке степени надежности типологических выкладок, публикуемых в печати, а особенно в части связей различных категорий артефактов в комплексах. Коллекции кремневых изделий со стоянок бассейна реки Самары рассматриваются в публикациях, как правило, суммарно. Вычленение из этих коллекций орудий, соответствующих елшанской керамике, весьма затруднительно по причине того, что все они найдены на памятниках со смешанными культурными слоями. Но среди них есть такие выразительные изделия, как геометрические микролиты. Остановимся на них подробнее. К сегодняшнему дню на территории предполагаемой культуры известно 30 экземпляров геометрических микролитов, в числе которых четыре сегмента, один параллелограмм и 25 трапеций. Анализируя признаки этих изделий, мы вынуждены констатировать их типологическую неоднородность.

Среди наиболее многочисленной категории — трапеций, девять — симметричные низкие [2, рис. 15, 12, рис. 26, 2], одна — симметричная высокая [2, рис. 26, 3], четыре — асимметричные [2, рис. 26, 4, 5], причем одна из них — выемчатая. Один экземпляр представляет собой трапецию со “струганной спинкой” [2, рис. 15, 8], пять трапеций — “рогатые” [2, рис. 15, 20, рис. 31]. Единственный имеющийся параллелограмм, происходящий с Виловатовской стоянки, обладает весьма своеобразными характеристиками. Он представляет собой довольно крупное орудие, выполненное на заготовке толщиной 0,4 см и имеющее длину 3 см и ширину 1,8 см [2, рис. 31]. Из четырех упоминаемых в печати сегментов один — симметричный, два других асимметричные [2, рис. 31], а третий — со стоянки Малый Шихан, отличается высокими пропорциями. [2, рис. 15, 13]. Данная типологическая неоднородность, говорящая, видимо, о различных культурно-хронологических позициях этих изделий, а также то обстоятельство, что все они, без исключения, происходят из смешанных культурных слоев, ставит под сомнение однозначную связь по крайней мере части из перечисленных геометрических микролитов с елшанской керамикой.

Очевидно, для того, чтобы охарактеризовать елшанскую каменную индустрию, необходимо прибегнуть к анализу кремневых изделий, факт связи которых с соответствующей керамикой непротиворечиво установлен уже на стадии полевого исследования памятников. Коллекции кремневых изделий со стоянок Чекалино IV, Красный Городок и Нижняя Орлянка II достаточно подробно представлены в соответствующих публикациях. Здесь мы суммарно опишем основные черты камен-

ной индустрии этих памятников, которые, вероятно, могут рассматриваться как характерные признаки кремневого производства елшанских комплексов в целом.

Для первичного расщепления использовался обломочный материал различной формы и размеров. Сырьем для изготовления орудий служил местный кремль, встречающийся в виде галек и конкреций в ряде мест Самарского Заволжья. Характерными являются одноплощадочные *нуклеусы* с зауженным основанием и зоной скалывания не более $2/3$ окружности или с торца, а также нуклевидные куски с бессистемным снятием отщепов. Встречается прием встречного расщепления с двух площадок, подтека контрфронта (рис. 7). В небольшом количестве в коллекциях встречаются изделия со следами пребывания в огне в виде мелких паутинообразных трещин и характерных изменений структуры и цвета породы.

В качестве заготовок использовались отщепы и ножевидные пластины. Наряду с ними широко применялись обломки галек, различные технические сколы, морозобойные куски и т.п. Приемы вторичной обработки представлены ретушью, резцовым сколом, двусторонней оббивкой. Единичные экземпляры орудий имеют следы частичной шлифовки. *Ножевидные пластины* (рис. 11; 13-22), как правило, удлинненных пропорций. Среди них имеются как хорошо огранные экземпляры с параллельными краями, так и пластины с нерегулярными гранями и изогнутым профилем. Среди этой категории заготовок пластины, оформленные регулярной ретушью, не составляют большинства. Весьма значителен удельный вес пластин со следами мелкой псевдоретуши, образовавшейся в результате работы без предварительной вторичной обработки изделий.

Орудийный набор представлен различными разновидностями режуще-скобящего инвентаря, деревообрабатывающими инструментами, перфораторами, наконечниками, выемчатыми и комбинированными орудиями. Среди *скребков* (рис. 8) преобладают отщеповые формы различных типов, хотя имеются и скребки на пластинах, преимущественно концевые. Некоторые из них имеют альтернативные рабочие края.

Резцы (рис. 9) изготавливались практически на всех видах заготовок, начиная от пластин и кончая отщепами и техносколами различных типов. Заметную роль среди изделий с резцовыми сколами играют ретушные и трансверсальные формы. Резцы на пластинах изготовлены по методу нанесения скола на край. Наряду с орудиями, имеющими целенаправленно оформленные резцовые сколы, имеются также и псевдорезцы с выкрошенными от работы углами и кромками.

Многочисленную и весьма типичную группу кремневых изделий представляют *деревообрабатывающие орудия* (рис. 10). Техника обработки этой категории изделий выглядит как двусторонняя оббивка. Единичные экземпляры подшлифованы. На некоторых орудиях имеется легкая заполированность на обушковых частях, что связано с креплением инструмента в муфте. Формы орудий подтрапещиевидно-треугольные, несколько асимметричные. Тесловидные орудия имеют слабо выпуклый рабочий край, долотовидные — хорошо выраженную спинку и брюшко. На Нижней Орлянке II восемь рубящих орудий были найдены в виде “клада”. Они несколько отличаются от обычных для других елшанских памятников орудий деревообработки удлиненными пропорциями и крупными размерами (рис. 10; 12-13). Выделяют их и условия обнаружения. Два “клада” кремневого сырья были обнаружены на стоянке Красный Городок [12, с.27, 42].

Заметной и весьма важной категорией изделий являются *наконечники стрел* (рис. 11; 1-12). Заготовками для них служили ножевидные пластины. По краям изделия частично обработаны мелкой пологой ретушью, с помощью которой выделен или слегка намечен черешок и оформлено острие. Наконечник с Нижней Орлянки II (рис. 11; 3) черешка не имеет, но, тем не менее, по совокупности признаков хорошо вписывается в обозначенный тип. Интерес представляют два ранее не опубликованных пластинчатых наконечника с Виловатовской стоянки (рис. 11; 11-12) В единичных экземплярах представлены *комбинированные орудия* типа скребок-резец, скребок-перфоратор, скобель-резец, скребок-скобель и т. д., *перфораторы*, рабочий край которых оформлен с помощью крутой противоположащей ретуши, *выемчатые орудия* (рис. 12).

Приведенные описания существенно меняют взгляд на облик елшанских кремневой индустрии. Полученная модель, видимо, должна в какой-то мере помочь при процедуре вычленения соответствующих наборов орудий во время работы со смешанными коллекциями. Сказанное в равной мере применимо и к наборам керамики. На данной стадии изложения важно констатировать, что описанные составные части комплексов регулярно повторяются, обнаруживая наличие устойчивой взаимосвязи. В рамках выбранной исследовательской стратегии этого достаточно, чтобы говорить об *археологической культуре* в эмпирической или “этной”, по терминологии Л.С.Клейна [14, с.392], ипостаси.

Завершая описание елшанских комплексов, необходимо кратко остановиться на некоторых характеристиках памятников, эти комплексы содержащих. Наблюдения за *топографической ситуацией*, в которой они находятся, показали достаточно стандартный набор условий, необходимых для местона-

хождения елшанских стоянок. Первое обязательное условие — это сравнительно низкое расположение относительно уровня водоема. Практически все памятники занимают останцы первых надпойменных террас, расположенных в пределах низкой поймы. Второе условие — это наличие близ памятника притока у основного русла реки или небольшой протоки². Конечно, трудно с уверенностью говорить, чем вызвано подобное единообразие топографических условий — особенностями сезонного функционирования, хозяйственными причинами, связанным с определенными приемами рыболовства или какими-либо иными детерминантами. Но признак этот представляется важным хотя бы потому, что дает возможность практически безошибочно обнаруживать неолитические памятники во время разведочных работ.

Не менее значимыми представляются и характеристики *естественных и культурных отложений* [14, с.373-374] елшанских памятников. Памятники с хорошо сохранившимися культурными слоями дают представление о вмещающих почвах, имеющих аллювиальное происхождение и формировавшихся в условиях как минимум семиаридной обстановки, исходя из выводов Ю.А.Лаврушина и Е.А.Спиридоновой [15]. Культурные отложения характеризуются сравнительной немногочисленностью артефактов, небольшой мощностью (10-20 см) культурных слоев, отсутствием долговременных углубленных в материк жилищ при наличии на некоторых стоянках очажных пятен, что может быть истолковано как свидетельство кратковременности функционирования стоянок. Клюбопытной разновидности культурных отложений относятся скопления раковин *Unio*, обнаруженных на ряде стоянок (Максимовка, Виловатое, Чекалино IV и др.) Об их антропогенном характере убедительно свидетельствует намеренное вкладывание створок одна в другую, зафиксированное на Чекалино IV, а также данные об образе жизни этих моллюсков, которые, как известно, не образуют крупных колоний.

На этом можно завершить описание внутренних признаков елшанских комплексов и перейти к признакам *внешним* [7, с.118-122]. *Хронология* упомянутых комплексов достаточно четко устанавливается благодаря имеющейся серии радиоуглеродных дат и палинологическим выкладкам. К сегодняшнему дню мы располагаем восемью датами, полученными в лабораториях Московского Геологического института и Санкт-Петербургского Института истории материальной куль-

² Например, стоянка Большая Раковка II расположена близ места впадения р.Черной в р.Сок, Ильинская — р.Тростянки в р.Сок, Ивановская — р.Турганика в р.Ток. Следы протоки были зафиксированы в раскопе во время работ на Чекалино IV; возможно, это старица р.Орлянки, притока р.Сок. В аналогичных условиях находится Виловатовская стоянка и т.д.

туры. Их полная сводка была недавно опубликована на страницах сборника “Радиоуглерод и археология” ИИМК РАН [1, с.100]. Для удобства воспроизведем ее

Лабораторный индекс	Дата (тыс. л.н.)	Памятник	Материал
Л е - 4871	8990±100	Чекалино IV	раковина
Л е - 4782	8000±120	Чекалино IV	раковина
Л е - 4783	8050±120	Чекалино IV	раковина
Л е - 4784	7940±140	Чекалино IV	раковина
Г И Н - 7085	8680±120	Чекалино IV	раковина
Г И Н - 7086	7950±130	Чекалино IV	раковина
Г И Н - 7088	8470±140	Лебязинка IV	раковина
Л е - 2343	8020±90	Ивановка	кость

здесь. Радиоуглеродный возраст образцов хорошо подтверждается палинологическими данными, согласно которым время существования елшанских комплексов соответствует бореальному периоду [15; 16, с.25].

Весьма сложным и дискуссионным является вопрос взаимоотношений и связей елшанской культуры с окружающей культурно-исторической средой. Гипотеза об участии в ее сложении населения восточно-каспийских и приаральских областей представляется на сегодняшний день недостаточно обоснованной. Одним из доводов в ее пользу является наличие в пределах ареала культуры небольшого числа геометрических микролитов, типологически неоднородных и не имеющих надежных контекстуальных привязок, что существенно понижает доказательный вес данного аргумента. Может быть подвергнут сомнению и второй аргумент, основой которого является сходство керамического инвентаря. В свете приведенных выше описаний по большинству признаков мы должны констатировать скорее отличие керамики, чем сходство. Прежде всего, это касается важнейшего культурно значимого признака — орнаментации сосудов. Разница наблюдается как в части техники нанесения орнамента, так и в плане его композиционного построения. Согласно А.В. Виноградову, орнамент на сосудах из района Лявляканских озер и Дарьяса украшает единичные экземпляры и представляет собой разреженные прочерченные линии [17, с.219-220; 18, с.121-123]. Примерно так же выглядит и посуда из шестого слоя Джебела [19, с.104-109; 18, с.66-67]. Приводимые ис-

следователями описания показывают почти полное отсутствие черт, присущих системе орнаментации елшанской керамики. Формы сосудов обнаруживают определенное сходство, но при этом в елшанских комплексах имеются сосуды с плоскими днищами.

Критикуя гипотезу В.Н.Даниленко об “архаико-неолитическом импульсе”, благодаря которому неолитическая традиция распространилась из Закаспия в Восточную и Северную Европу [20, с.176-177, 182-183], И.Б.Васильев и А.А.Выборнов совершенно справедливо отметили, что “...для столь ответственных выводов необходимы более существенные данные, чем некоторое сходство в формах сосудов, которое может объясняться близкими закономерностями появления первой керамики у населения сходного культурно-хозяйственного типа (присваивающие формы)” [3, с.52]. Сказанное вполне применимо и в ситуации с елшанской культурой.

Сопоставляя кремневые индустрии, мы убеждаемся в их кардинальных отличиях в еще большей степени, чем относительно керамического инвентаря. Суть этой разницы достаточно очевидна и подробно изложена в некоторых недавно вышедших печатных работах [8; 9; 12]. Главным поводом для утверждений диаметральной противоположности кремневых индустрий является полное отсутствие в елшанских комплексах микролитической пластинчатой техники — визитной карточки кремневого производства южных областей. Отмеченные противопоставления керамики и кремневого инвентаря представляют собой основу для культурного обособления рассматриваемых материалов.

В связи с этим возникает вопрос — если имеет место сходство комплексов двух областей по ряду ведущих показателей, а именно об этом неоднократно говорилось в печати, то почему бы, следуя процедурным правилам, не объединить эти комплексы в одну культуру? Одной из причин, видимо, является весьма значительная пространственная удаленность данных культурных образований, не позволяющая применить территориальный объединяющий критерий, и отсутствие похожих памятников на промежуточной территории. Но тогда можно было бы рассматривать елшанские комплексы как “среднеазиатский анклав” на Волге. Главная причина, вероятно, все же в том, что, как заметили И.Б.Васильев и А.А.Выборнов, “...памятники елшанского типа не представляют собой точной копии восточнокаспийских” [3, с.51].

Серьезные различия обнаруживаются и при сопоставлении елшанских комплексов с ранними днепро-донецкими. Эти материалы содержат толсто-стенные керамические сосуды рыхлой фактуры с обильной растительной примесью, украшенные с применением гребенчатой и прочерченной техники. Для

кремневой индустрии “...свойственно сильное распространение микролитических форм (трапеций, пластин со скошенным концом, пластин-вкладышей с затупленным краем), и бытование траншевидных топоров и топоров-резаков” [21, с.178]. Струмель-гастятинская группа памятников содержит остродонную и шиподонную керамику с цилиндрическими или слегка профилированными стенками, изготовленную из комковатого глиняного теста с растительной примесью, следами расчесов на внешних и внутренних поверхностях сосудов. Орнамент либо полностью отсутствует, либо представляет собой ряды отпечатков мелкого гребчатого штампа, который на одном сосуде сочетается с неправильным зигзагом из мелких ямок-наколов [21, с.180-181]. Таким образом, и здесь по ряду признаков мы вынуждены констатировать несовпадение существенных характеристик сравниваемых комплексов.

Высказать мнение о соотношении материалов из ранних слоев Ракушечного Яра и елшанских комплексов представляется затруднительным по причине того, что мне до сих пор не удалось непосредственно ознакомиться с коллекцией этого памятника. Но, в то же время, нет оснований не доверять Н.Л.Моргуновой, имевшей возможность детального ознакомления с ней в фондах Санкт-Петербургского университета. Констатируя “...почти полное совпадение признаков ракушечнойярской и елшанской посуды”, исследователь, вместе с тем, отмечает примесь раковины в формовочных массах сосудов, а также “...пластинчатый характер кремневого инвентаря, отсутствие шлифованных орудий и двусторонних форм” [2, с.30]. Как было показано выше, именно наличие рубящих орудий с двусторонней обработкой, иногда с частичной подшлифовкой и большое значение отщеповой техники является яркой чертой елшанской каменной индустрии. Примесь раковины в глиняном тесте также не относится к числу черт, характеризующих посуду елшанской культуры, что можно заключить как из упомянутых здесь выводов И.Н.Васильевой, так и из приложения к монографии Н.Л.Моргуновой, в котором Ю.Б.Цетлин констатирует отсутствие искусственной примеси толченой раковины в ранних группах керамики Ивановского поселения [2, с.201-204, прил.3].

Из приведенных сравнений можно заключить, что гипотезу о южном происхождении елшанской культуры на сегодняшний день нельзя считать полностью доказанной. Автор данной работы в целом солидарен с позицией А.А.Ластовского, который считает, что елшанская кремневая индустрия складывалась в условиях тесной взаимосвязи и под влиянием усть-камской культурной традиции при возможном участии в этом процессе культуры пластинчатых комплексов позднеромановского облика [12, с.43-44, 60-61]. Необходимо, однако, учитывать определен-

ное своеобразие елшанской кремневой индустрии по сравнению с усть-камской. Оно заключается в большом удельном весе отщеповых форм, в то время как усть-камская индустрия может быть в целом охарактеризована как пластинчатая [22], морфологических особенностях рубящих орудий, скребков и т.д. Полная тождественность местной кремневой индустрии и усть-камской не может быть безоговорочно принята. Тем не менее, очевиден вывод о северном или северо-западном направлении культурно-хозяйственной ориентации елшанского населения, который основывается на особенностях первичного расщепления и вторичной обработки, наличии “кладов” сырья и готовых инструментов, рубящих орудий и пластинчатых наконечников, скребков различных типов, в том числе и с альтернативным рабочим краем, резцов на углу пластин и их трансверсальных и ретушных разновидностей, а также других специфических черт различных категорий кремневого инвентаря.

Абсолютный возраст елшанских комплексов, а также особенности технологического процесса изготовления керамики, позволяют предполагать протогончарную стадию керамического производства, и в связи с этим весьма перспективными представляются изыскания И.Н.Васильевой. Проблема находится на стадии разработки, но уже сейчас вывод об использовании илов и сапропелей в качестве пластического материала вызывает повышенный интерес. Эти исследования важны еще и с той точки зрения, что получаемые данные дополняют список обладающих большим весом культурно значимых признаков, сравнимых с характеристиками орнаментальных систем. В этой связи весьма желательны были бы изыскания, направленные на детальное изучение особенностей гончарных технологических цепочек раннекерамических культур арало-каспийского региона и некоторых южных и юго-западных районов Восточной Европы. Эти исследования могли бы укрепить или, наоборот, ослабить позиции участников обозначенной на этих страницах дискуссии.

Заговорив об орнаменте и протогончарстве, хочется остановиться на любопытном факте наличия на одном из сосудов стоянки Нижняя Орлянка II ряда сквозных отверстий на венчике с отпечатками плоского ремешка или бечевки между ними. Не дает ли нам этот сосуд возможность приблизиться к пониманию семантического значения такого широко распространенного орнаментального мотива, как ямочно-жемчужный поясок? Возможно, ремешок представлял собой имитацию бечевы для стягивания устья кожаной формы-емкости, а впоследствии, утратив свою первоначальную связь с прототипом, ряды отверстий для таких ремешков трансформировались в ямочно-жемчужные пояски.

Говоря о елшанском гончарстве, я сознательно не касаюсь причин его возникновения, поскольку эта проблема должна решаться в рамках рассмотрения культуры с точки зрения адаптационных механизмов ее развития или, если выразиться шире, в русле изучения проблемы *неолитизации* на интересующих нас территориях. Это отдельный и очень большой вопрос, которому следует посвятить особую работу, особенно учитывая то, что данная проблема находится на крайне неудовлетворительном уровне разработанности. Здесь же мы рассматриваем явление в классификационном аспекте, пытаюсь создать базу для продуктивной гипотезы, которая позволит перейти к дедуктивной стратегии, уточнить характеристики и содержание типов, приблизиться к пониманию их культурного смысла.

Отмечая стабильно повторяющийся из комплекса в комплекс набор типов с присущими им устойчивыми признаками, логично предположить, что мы имеем дело с ограниченным срезом культуры, статичным по своей сути. О том же говорят и довольно кучно расположившиеся даты, не считая одной, “отскочившей” почти в VIII тыс. до н.э. Живая же культура обладала определенной динамикой, которую желательно увидеть отраженной в археологическом материале.

Думается, что неолитический комплекс Ильинской стоянки представляет собой свидетельство видоизменения культуры на заключительной стадии ее существования. Основанием относить комплекс к елшанской культуре служит то обстоятельство, что из 50-ти сосудов коллекции 26 обладают полным набором стандартных елшанских признаков (характерная форма верхних частей, наличие двух типов днищ, орнамент в виде ямочно-жемчужного пояса, прочерченных линий, разреженных наколов, либо коротких изогнутых насечек, мотивы в виде ромбической сетки, наклонных, горизонтальных рядов или зигзага, орнаментация срезов венчиков), другая же половина украшена, помимо этого, орнаментами, нанесенными мелким гребенчатым штампом и наколами в строчку. В кремневом инвентаре новыми типами являются призматические и конические нуклеусы для снятия микропластин, ретушированные сечения-вкладыши, острия на пластинах. При этом к основной части кремневой коллекции относятся нуклеусы со скальванием на $2/3$ периметра, дублированные скребки, резцы, перфораторы, пластинчатые наконечники, а также крупный оббитый с двух сторон и подшлифованный топор [9, с.92-98]. Подобную картину можно наблюдать и на некоторых других недавно раскопанных, но пока не опубликованных памятниках³.

³ Среди них, возможно, недавно изученная стоянка Красный Яр VII на р.Сок.

Инновации в виде строчечного накола и некоторых разновидностей пластинчатых орудий вполне согласуются с концепцией влияния на местную культуру нижеволжско-прикаспийского компонента, с которой я, в целом согласен⁴. В связи с этим возникает предположение: не с этим ли процессом связано обилие пластинчатых орудий южного облика и появление геометрических микролитов на Виловатовской, Ивановской и ряде других стоянок?

В ход этих рассуждений не вписывается факт наличия на территории лесостепного Волго-Уралья пяти “рогатых” трапеций — специфических изделий дарьясайского облика, не характерных для мезо- неолитических памятников нижеволжско-северокаспийского региона. Этот феномен требует объяснения и, возможно, он свидетельствует о каких-то инфильтрациях носителей приаральских традиций на территорию юга Средней Волги, но до получения надежных данных, подтверждающих и конкретизирующих этот процесс, вопрос остается открытым. Число этих данных, помимо поиска информативных памятников, должно пополняться также и изысканиями, связанными с выяснением причин, могших привести к началу движения населения из арало-каспийского региона в сторону весьма удаленных северо-западных территорий.

Стадия, на которой преобладающей орнаментальной традицией в регионе стала накольчато-гребенчатая, а сопровождающий эту керамику кремневый инвентарь в полном объеме приобрел черты, в зачаточном виде проявившиеся в комплексе Ильинской стоянки, следует, видимо, считать началом новой археологической культуры. Такой подход оправдан и с точки зрения операциональной стратегии, и с позиций этнической оценки археологической культуры. Смена традиций связывается исследователями с достаточно интенсивным миграционным процессом, который не мог не повлечь более или менее значитель-

⁴ Вызывает возражение лишь время начала этого влияния, которое, если принять членение елшанской керамики на два типа, согласно версии И.Б.Васильева и А.А.Выборнова (см. выше), началось на ранних стадиях существования елшанской культуры. Ранний возраст плоскодонных сосудов со стоянки Красный Городок убедительно обосновал А.А.Ластовский [12]. Кроме того, неизвестно ни одного памятника, где елшанская плоскодонная посуда не находилась бы совместно с остродонной, включая и Красный Городок. Приведенная выше радиоуглеродная дата для постройки поселения Лебяжинка IV (памятник пока не опубликован), видимо, датирует комплекс с остро- и плоскодонной посудой елшанского облика, в этой постройке находившейся. Все это заставляет усомниться в целесообразности членения елшанской посуды на хронологические группы по признаку плоскодонности, а тем более, связывать появление плоского дна с прикаспийской (Каир-Шак) традицией, поскольку последняя возникла, несомненно, позже елшанской.

ных изменений этнического состава населения. Изложенные здесь соображения позволяют считать, что у нас достаточно оснований для утверждения о самостоятельном культурном статусе елшанских комплексов, которые предлагается объединять под названием елшанской археологической культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тимофеев В.И., Зайцева Г.И. К проблеме радиоуглеродной хронологии неолита степной и юга лесной зоны Европейской части России и Сибири (обзор источников) // Радиоуглерод и археология. Ежегодник радиоуглеродной лаборатории. РАН ИИМК, 1998. Вып.2.
2. Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург, 1995.
3. Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1988.
4. Колтаков Е.М. Теория археологической классификации. СПб, 1992.
5. Выборнов А.А. Соотношение культурных зон и миров, историко-культурных и этнокультурных областей в эпоху неолита (состояние проблемы) // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск, 1988.
6. Моргунова Н.Л. Ивановская стоянка эпохи неолита-энеолита в Оренбургской области // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.
7. Гарден Ж.-К. Теоретическая археология. М., 1983.
8. Колев Ю.И., Мамонов А.Е., Ластовский А.А. Многослойное поселение эпохи неолита — позднего бронзового века у села Нижняя Орлянка на реке Сок. (Предварительная публикация) // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995.
9. Мамонов А.Е. Елшанский комплекс стоянки Чекалино IV // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995.
10. Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолитические культуры лесостепного Поволжья и их взаимодействие с населением Волго-Камья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск, 1988.
11. Барынкин П.П., Козин Е.В. Некоторые результаты исследований II Большераковской стоянки // Древности Восточно-Европейской лесостепи. Самара, 1991.
12. Кузьмина О.В., Ластовский А.А. Стоянка Красный Городок // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995.
13. Мамонов А.Е. Ильинская стоянка и некоторые проблемы неолита Лесостепного Заволжья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск, 1988.
14. Клейн Л.С. Археологическая типология. Л., 1991.

15. Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А. Заключение по результатам геологического и палинологического изучения стоянок Лебяжинка IV и Чекалино IV в Самарской области. 1990. Архив археологической лаборатории НИЧ Сам ГПУ.
16. Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Периодизация неолита-энеолита Европейской России по данным палинологического анализа // РА. 1999. □1.
17. Виноградов А.В. Мамедов Э.Д. Первобытный Лявлякан. М., 1976.
18. Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы среднеазиатского междуречья. М., 1981.
19. Окладников А.П. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении // Тр. ЮТАКЭ, т.7. Ашхабад, 1956.
20. Даниленко В.Н. Неолит Украины. Киев, 1969.
21. Телегин Д.Я. Неолитические памятники Северной Украины и Южной Белоруссии // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита. МИА. Ленинград, 1973. □172.
22. Косменко М.Г. Основные этапы развития мезолитической культуры в Среднем Поволжье // СА. 1972. □3.